

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 69–80.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 69–80.

Научная статья

УДК 321.64

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/69-80>

ИММАНЕНТНОСТЬ ДЕТЕРМИНАНТ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ТОТАЛИТАРИЗМА

Вадим Викторович Антонченко¹, Лариса Ивановна Романова²

¹Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, г. Владивосток, Россия, antovadim@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>, Researcher ID: AAB-4863-2022

²Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия,
larisa.i.romanova@mail.ru

Аннотация. Целью работы является выявление наиболее общих качеств крайних форм недемократических государственных режимов, обуславливающих особенности политико-правовой действительности и определяющих специфику его генезиса. Основное содержание исследования составляет анализ факторов, обуславливающих нестабильность тоталитарных систем, предопределяющих их крушение. Теоретическая и практическая значимость определяется актуальностью знания сущностных качеств недемократических политических режимов, позволяющего эффективно противодействовать укреплению тоталитарных тенденций в современных государствах. Политико-правовой анализ строительства государственности в разных странах свидетельствует о том, что тоталитарные государства, продолжающие существовать и в XXI в., никогда не достигали экономических, идеологических и иных заявленных целей. Крах тоталитаризма предопределен внутренними субстанциональными противоречиями, неотъемлемыми и вытекающими из его природы.

Ключевые слова: власть, государство, демократия, общество, политический режим, право, тоталитаризм.

Для цитирования: Антонченко В. В., Романова Л. И. Имманентность детерминант нестабильности тоталитаризма // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 69–80. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/69-80>

IMMANENCE OF DETERMINANTS OF INSTABILITY OF TOTALITARIANISM

Vadim Viktorovich Antonchenko¹, Larisa Ivanovna Romanova²

¹Far Eastern Fire and Rescue Academy is a branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Vladivostok, Russia, antovadim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>, Researcher ID: AAB-4863-2022

²Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, larisa.i.romanova@mail.ru

Abstract. The aim of the work is to identify the most common qualities of extreme forms of undemocratic state regimes that determine the features of political and legal reality and determine the specifics of its genesis. The main content of the study involves analyzing the factors that cause instability of totalitarian systems, predetermining their collapse. The theoretical and practical significance is determined by the relevance of knowledge of the essential qualities of undemocratic political regimes, which makes it possible to effectively counteract the strengthening of totalitarian tendencies in modern states. The political and legal analysis of the construction of statehood in different countries indicates that totalitarian states, which continue to exist in the XXI century, have never achieved economic, ideological or other goals. The collapse of totalitarianism is predetermined by internal substantial contradictions inherent and arising from its nature.

Keywords: power, state, democracy, society, political regime, law, totalitarianism.

For citation: Antonchenko V. V. Romanova L. I. Immanence of determinants of instability of totalitarianism // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 69–80. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/69-80>

Введение

Проблематика генезиса государственных режимов остаётся одной из самых актуальных в сфере познания политических процессов, изучения государства и права. Выявление законов направленной структурной трансформации социума способно эффективно разрешать важные вопросы эволюции сложных социальных систем. Особое внимание исследователей проблем функционирования государства, общества и права привлекают, в силу своей вариативности, недемократические политические режимы. По выражению Б. Геддес, авторитарные режимы имеют не меньше отличий друг от друга, чем от демократии [1].

Термин «тоталитаризм», введённый в оборот в начале XX в., означает тотальное подчинение человека политической власти и господствующей идеологии и

полный контроль государством всех сторон общественной жизни [2]. Тоталитаризм представляется большинством авторов отличным от авторитаризма недемократическим политическим режимом, однако не лишено оснований и его видение как крайней формы авторитаризма. Любая разновидность тоталитаризма, независимо от базовой идеологии, которую он обслуживает, предполагает радикальный отказ от демократических принципов управления, гуманистических взглядов на общественное устройство, признания и соблюдения прав человека: на жизнь, свободное развитие, свободу слова, свободу передвижения и т. д. Тоталитаризм может воплощаться в различных видах, наиболее известными из которых являются режимы соответствующих крайне правых и крайне левых идеологий, а также его религиозные разновидности (в частности, исламский фундаментализм).

Анализ генезиса тоталитарных режимов свидетельствует о том, что историческое время их существования не является продолжительным. Причина нестабильности тоталитаризма обусловлена тем, что общество, подчиняясь представлениям о верховенстве права сильного, свойственного низшим формам социальной организации, утрачивает способность и возможность защиты перед лицом новых вызовов в экономике и политической жизни, а ресурсы государства в условиях насилия и государственного террора не позволяют обеспечить его нормальное функционирование в долгосрочном периоде.

Признаки тоталитаризма в истории и современности

Тоталитарное государство – это, прежде всего, политическая форма организации общества крайне закрытого типа. Оно характеризуется единой идеологией и жёсткой идеологической цензурой, активной государственной пропагандой, манипулирующей общественным сознанием, наличием единственной правящей партии во главе с лидером-диктатором, проникновением государства во все сферы жизни обществ, отсутствием независимых средств массовой информации, уничтожением индивидуальных гражданских свобод, отсутствием независимого правосудия, а также стремлением к территориально-политической экспансии.

Несмотря на небезосновательность подхода Ю. Г. Чернышова, согласно которому тоталитаризм – специфическое явление индустриальной цивилизации, породившей в числе других проблем так называемую «проблему догоняющей модернизации» [1], его признаки обнаруживаются на протяжении всей истории человечества задолго до того, как это явление получило своё определение. От древности до наших дней важнейшими специфическими атрибутами тоталитаризма обладали множество тираний, деспотий и олигархий (Вавилон, Китай, Египет, Рим и др.). О многовековой истории тоталитаризма определённо и обоснованно свидетельствуют труды большого числа философов и учёных (легисты, Платон, Ж.-Ж. Руссо, Гегель, Ницше, Маркс и др.) [3; 4; 5; 6; 7]. Исторические формы тоталитарных го-

сударств веками сохраняли свою стабильность. Их гибель обуславливалась, как правило, не внутренними противоречиями, а внешним воздействием со стороны более сильных в экономическом и военном отношениях стран. Производительные силы и технологии древних государств, оставаясь неизменными на протяжении веков, не способствовали очевидности того, что их отставание в развитии от соседей обусловлено способом управления, консервирующим не только общественные отношения, но и препятствующим развитию технологий.

Помимо общеизвестных хрестоматийных моделей тоталитарных государств первой половины и середины XX в. признаки тоталитаризма имели: Италия (1921–1945 гг.), Аргентина (1944–1955 гг.), Испания (1933–1975), Румыния (1927–1941 гг.), Австрия (1933–1934 гг.), Бразилия (1932–1938 гг.), Китай (1945–1976 гг.), Камбоджа (1975–1979 гг.) и др. [8; 9; 10]. Вдохновляясь предыдущим опытом, некоторые государства демонстрируют признаки тоталитарных качеств и в наши дни (Иран, КНДР, некоторые исламистские системы и движения) [11; 12].

Право тоталитарных государств институционально закрепляет приоритет государства над обществом, шовинизм и дискриминацию некоторых групп населения по какому-либо, чаще всего национальному, признаку. В тоталитарном государстве определяющим фактором правовой действительности является государственное насилие, которое меняет все представления об иерархии и юридической силе правовых актов.

Государственная идеология и массовая психология при тоталитаризме неразрывно связана с потребностью в объединяющем общество начале. Таким началом становится образ «врага», существующего как реально, так и создаваемого пропагандой. Например, политика и идеология нацистской Германии 1933–1945 гг. объявила врагами общества и государства, преступниками, подлежащими уничтожению, не только людей еврейской национальности, сторонников коммунизма, либерализма, но и любых инакомыслящих [13].

Главная задача права тоталитарного государства – это борьба с врагами, которыми являются носители любого несогласия. Тоталитаризм, мотивируя насилие заботой о благополучии всех граждан «во имя нации, народа, государства», не ограничивает себя в применении любых средств: как в рамках правового поля, так и находящихся вне его. Государственное насилие, являющееся закономерным и оправданным признаком любого государства, при тоталитаризме превращается в организованный террор как в виде легального «правосудия», позволяющего властям быстро и эффективно подавлять любое сопротивление, так и в форме внесудебных расправ.

Существование тоталитарных политических режимов основано на значительной поддержке населения, которое в своей основной массе полагает провозглашаемые правящей элитой интересы как общенациональные. В этих условиях даже насилие представляется политической пропагандой как осуществляемое в интере-

сах народа и признаётся большинством общества справедливым и выражающим его интересы. Человек в таком обществе наделяется лишь свойствами средства для реализации государственных задач, главной из которых провозглашается борьба с многочисленными противниками. Подавляющее большинство граждан, полностью отрешённых от управления государством, искренне убеждено, что правящая элита выражает его интересы, а последняя, таким образом, получает неограниченную власть и не поддающиеся контролю возможности для своего обогащения [14].

Поскольку поиск противников не локализуется на территории тоталитарного государства, а неизбежно переходит и через его границы, постольку его существование неизбежно сопряжено с агрессивной внешней политикой, неминуемо заканчивающейся войной [15]. В преддверии военного поражения в экономике такого государства вводится, как правило, военное положение, предусматривающее возможность внеэкономического принуждения субъектов экономической деятельности. Время труда работников может принудительно корректироваться в сторону увеличения. Этот режим требует неограниченных полномочий для репрессивных органов, что значительно расширяет основания для привлечения к уголовной ответственности за «измену». Главным методом управления становится государственный террор.

В рамках парадигмы тоталитарного управления государственный террор может только нарастать, однако это нарастание на определённом этапе входит в противоречие с интересами властных элит, гарантии для благополучия и безопасности которых в государстве, где не только отсутствуют представления о естественных правах, но и фактически расформировано позитивное право, не могут быть предоставлены.

Детерминанты несостоятельности тоталитаризма

XX век был не только веком торжества тоталитаризма в некоторых странах, но также и временем его краха. Как свидетельствует опыт функционирования тоталитарных режимов и анализ мировой социальной практики, тоталитаризм не способен обеспечить достижение заявляемых целей и перспективы для своего существования в долгосрочном историческом периоде. Существование тоталитарных режимов в Новейшее время (и самих государств с этими признаками) не является исторически продолжительным. Мировоззренческие, психологические, социально-политические и другие условия существования подобных режимов исчезают, как правило, в течение жизни одного поколения людей. Это заставляет коллапсировать сам режим и нередко разрушает «принадлежащее» ему государство. Так «тысячелетний Рейх» нацистской Германии просуществовал всего двенадцать лет.

Крах тоталитарных режимов предопределяется теми же факторами, которые обеспечивают их кратковременные успехи: единая идеология, мнимое совпадение интересов народных масс и правящей элиты, чрезмерное государственное насилие,

мобилизация населения, концентрация ресурсов и т. д. Помимо их неприемлемости с гуманитарных позиций, модели тоталитарного хозяйствования ещё и крайне неэффективны с точки зрения рационализма. Представляется, что главная причина неустойчивости тоталитарного режима – в нерациональном расходовании огромных человеческих и материальных ресурсов на достижение заведомо утопических целей. Вследствие мистификации заявляемых идеологических целей тоталитарные режимы, несмотря на создаваемый огромный модернизационный и мобилизационный потенциал, не в состоянии к ним приблизиться.

Успехи тоталитарных режимов обходятся обществу ценой больших усилий и существенных издержек. При дальнейшем развитии подобной системы эта цена становится причиной деградации государства. Административное давление на экономику уже в среднесрочной перспективе неизбежно оборачивается падением темпов роста промышленного производства, разбалансированием между отраслями народного хозяйства, ростом коррупции и увеличением бюрократического аппарата.

Другой причиной является технологическое отставание, традиционное для «закрытых» обществ ещё со времен Древнего мира. Сегодня очевидно, что наука, технологии и даже бизнес могут быть успешными лишь при свободном обороте капиталов, сырья, трудовых и научных ресурсов, способном рационализировать производственные процессы. В условиях закрытой системы, где транснационализация невозможна, технологический и социальный прогресс является неосуществимым.

Отрешённое от участия в формировании государственной власти, население проявляет индифферентность и в случаях возникновения угрожающих ей факторов. По мере углубления разрыва между народом и правящей элитой нарастает политическая апатия населения, которое теряет интерес не только к политической, но и к любой общественной жизни. Это приводит к тому, что в критический момент, когда общество могло бы сыграть свою позитивную роль в поддержании стабильности системы, оно проявляет к судьбе государства полное безразличие.

Государственное управление, основанное на насилии, выходящем за рамки обычного, способно обеспечить рост эффективности производства, однако без структурной перестройки хозяйства, использования в производстве достижений научно-технического прогресса, международной кооперации и специализации его действие не может быть продолжительным. Тоталитарное государство в своем развитии неизбежно сталкивается с кризисом в административной, проектно-управленческой деятельности. Государственный террор лишает эти сферы рационализма; текущее законодательство, обслуживающее идеологию, не способно адекватно и своевременно реагировать на реально возникающие угрозы. Процедуры следствия и суда значительно упрощаются, поскольку правоохрнительная система не имеет сил, средств и времени на поддержание видимости «законности», обеспечиваемой строгим выполнением процессуальных правил. Дополнительные ресурсы

система находит в отказе от сложных процессов, требующих значительных временных и организационных издержек.

Нестабильность тоталитаризма предопределена также тем, что в результате самовоспроизводства правящей элиты она неизбежно вырождается. После ухода харизматичного лидера члены правящего класса, как правило, не в состоянии проявить качества, способные увлечь массы таким образом, чтобы их действия не подвергались критическому осмыслению. Таким образом, существование тоталитаризма привязано к непродолжительной в историческом масштабе жизни лидеров правящего клана.

Внутренне присущие тоталитаризму свойства, прежде всего, право силы, объективированное в виде репрессий, от которых не застрахован ни один гражданин независимо от его статуса и должности, перестают удовлетворять даже членов правящих элит. Бенефициары тоталитарного режима не уходят вместе с физическим уходом своего вождя, поэтому, даже истощив свои внутренние резервы, тоталитаризм может ещё некоторое время коллапсировать, продолжая разрушать экономику, общественное правосознание, практику правотворчества и правоохранения.

Идеология, основанная на противопоставлении государства иным недружественным странам и необходимости сопротивляться врагам, делает общество заложником собственной пропаганды. Поиск внутреннего и внешнего врага и борьба с ним действительно способны сплотить общество (народ) и государство (власть) [16, 17], однако данный эффект не является исторически продолжительным. Подобная идеология требует увеличения доли военных расходов в структуре национального хозяйства в ущерб иным отраслям экономики. Политика милитаризации государства, обслуживающая идеологию, отнимает существенную часть объёма национального производства, порождая (увеличивая) экономические проблемы в стране.

При продолжающейся милитаризации государства неизбежно наступает момент, когда власть полагает возможным развязать внешнюю экспансию. Война, получающая политическое обоснование и историческую аргументацию, романтизируется, её участники героизируются. Государство, следующее идеолого-пропагандистским постулатам и информационным мифологемам, внедрённым в общественное сознание, вынуждено расширять рамки конфликта в пространстве и времени даже при отсутствии экономической и военной возможности. Гуманизм и милосердие как во внутренней, так и во внешней политике, отрицаются принципиально, уступая место государственному имморализму. В этих условиях соблюдение принципов международного гуманитарного права становится невозможным. Отрицание агрессором общепринятых законов и обычаев войны не оставляет противостоящим ему государствам иного способа для выживания, как полный военный разгром неприятеля. Таким образом, попытка консолидировать общество либо разрешить имеющиеся экономические и политические проблемы военным путём способна лишь ускорить окончательный крах тоталитаризма. Неизбежное поражение

тоталитарного государства в войне обусловлено также отрицанием по идеологическим мотивам экономической, политической и военной реальности, приводящее к неверной оценке собственных сил и всей военно-политической обстановки.

Таким образом, имманентные свойства архетипа тоталитарных режимов, обеспечивающие успехи на ранних этапах становления (единая идеология, пренебрежение правом в самом широком смысле, мобилизация ресурсов посредством огосударствления экономики, уничтожение гражданского общества и всяческой оппозиции, милитаризация), являются, одновременно, и факторами, детерминирующими их неустойчивость за пределами краткосрочного развития.

Заключение

Формирование тоталитарных режимов определяется политико-правовой действительностью и культурными традициями (прежде всего, неразвитостью политической культуры), преломляющимися в общественном сознании определенным образом. Данный процесс контролируется и управляется властными элитами, имеющими в состоянии «нового средневековья» [18] свой имущественный интерес.

Используя методы насилия, концентрацию общественных сил и государственных средств, тоталитаризм на начальном этапе способен стимулировать в стране экономический рост. Однако издержки, требующиеся для такого подъёма в условиях государственного террора, неоправданно велики, с определённого момента они начинают нивелировать положительный эффект от внеэкономического принуждения, административного давления и мобилизационного уклада экономики.

Крайне неэффективное расходование социальной энергии и невозможность безграничного наращивания террора приводит к ослаблению государственного режима и абсолютного характера власти. Неизбежные в современной реальности связи с внешним миром, новые технологии в сфере коммуникаций подрывают государственную монополию на информацию и порождают инакомыслие. Народ, сравнивая своё положение, благополучие и безопасность с таковыми в обществах «открытого типа», существующих в условиях демократии и либеральных ценностей, утрачивает доверие к пропагандируемой государством идеологии, политической системе и её лидерам. Разоблачение пропагандистских идеалов снижает заинтересованность всех социальных групп в поддержании существующего порядка, в том числе и добросовестным выполнением своих служебных и социальных обязанностей. Правовой нигилизм и судебный произвол перестает удовлетворять даже членов властных элит. Эти процессы неизбежно ведут к либерализации политического режима и знаменуют собой начало распада тоталитарной системы.

Рационализм и новые типы социокультурных отношений, достижения науки и новейшие технологии XXI в. не оставляют места тоталитарным режимам, свойства которых можно обнаружить ещё в племенном строе и в Средневековье. Будущее

человечества представляется возможным лишь в условиях открытого общества и демократии, где господствует критическое мышление, справедливость и равные возможности для индивидуального личностного развития каждого человека [19].

Список источников

1. Чернышов Ю. Г. К вопросу о спартанском тоталитаризме // Исследования по всеобщей истории и международным отношениям. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. С. 3–15.
2. Морозова Е. В. Дегуманизация как технология формирования образа другого / чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10, № 6. С. 121–128.
3. Корнева Л. Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 275 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Болезнь века // Новое время. 1993. № 38. С. 56–58.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992. 448 с.
6. Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории. Барнаул, 1996. 40 с. (Дневник Алтайской школы политических исследований; № 1).
7. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? // Annual review in political science. Palo Alto, CA, 1999. Vol. 2. P. 115–144.
8. Бреев С. И. Новое средневековье (социально-теологическая утопия Н. А. Бердяева) // Вестник МГУ. 1999. № 3–4. С. 12–15.
9. Нестерова Т. П. Концепция фашизма в выступлениях Джузеппе Боттаи // Уральский вестник международных исследований. 2006. Вып. 6. С. 176–190.
10. Рассел Б. История западной философии. Кн. 1–2. Новосибирск, 1994. 512 с.
11. Желев Ж. Фашизм: тоталитарное государство / пер. с болг. М.: Новости, 1991. 334 с.
12. Pöehlmann R., von. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. 3 Aufl. von F. Oertel. Bd. 1–2. München, 1925. 440 s.
13. Нестерова Т. П. Джованни Джентиле о культуре, обществе и государстве // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2007. Т. 49, № 13. С. 196–203.
14. Антонченко В. В. Право и общественные интересы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 174–183. DOI: 10.24866/1813-3274/2022-1/174-183.
15. Антонченко В. В. Фашизация государства и права // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 9 (190). С. 55–65. DOI 10.17803/1729-5920.2022.190.9.055-065.

16. Беттельгейм Б. О психологической привлекательности тоталитаризма // Образовательная политика. 2015. № 2 (68). С. 111–116.
17. Гаджиев К. С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 3–25.
18. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
19. Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. 331 с.
20. Лурье С. Я. О фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты // Вестник Древней истории. 1939. № 1. С. 98–106.
21. Ударцев С. Ф. История политических и правовых учений (Древний Восток). СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2007. 661 с.
22. Tibi B. The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Disorder, Berkeley: University of California Press, 2002. 293 p.

References

1. Chernyshov Yu. G. K voprosu o spartanskom totalitarizme [On the issue of Spartan totalitarianism]. *Issledovanija po vseobshhej istorii i mezhdunarodnym otnoshenijam*. Barnaul: Izd-vo ASU, 1997, pp. 3–15. (In Russ.).
2. Morozova E. V. Degumanizacija kak tehnologija formirovanija obraza drugogo / chuzhogo v politike [Dehumanization as a technology for forming the image of another / alien in politics]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*, 2015, vol. 10, no. 6, pp. 121–128. (In Russ.).
3. Korneva L. N. Germanskaja istoriografija nacional-socializma: problemy issledovanija i tendencii sovremennogo razvitija (1985–2005) [German historiography of national socialism: problems of research and trends in modern development (1985–2005)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2007. 275 p. (In Russ.).
4. Ortega y Gasset X. Bolezn' veka [Disease of the century]. *Novoe vremja*, 1993, no. 38, pp. 56–58. (In Russ.).
5. Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi [Open society and its enemies]. In 2 volumes. Moscow: Kul'turnaja iniciativa; Feniks Publ., 1992. 448 p. (In Russ.).
6. Totalitarianism and its overcoming: actual lessons of history [Totalitarizm i ego preodolenie: aktual'nye uroki istorii]. Barnaul, 1996. 40 p. (Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij [Diary of the Altai School of Political Studies]; no. 1). (In Russ.).
7. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? *Annual review in political science*. Palo Alto, CA, 1999, vol. 2, pp. 115–144.
8. Breev S. I. Novoe srednevekov'e (social'no-teologicheskaja utopija N. A. Berdjajeva) [New Middle Ages (social and theological utopia of N. A. Berdyaev)]. *Vestnik MGU*, 1999, no. 3–4, pp. 12–15. (In Russ.).

9. Nesterova T. P. Konceptija fashizma v vystuplenijah Dzhuzeppe Bottai [The concept of fascism in the speeches of Giuseppe Bottai]. *Ural'skij vestnik mezhdunarodnyh issledovanij*, 2006, iss. 6, pp. 176–190. (In Russ.).
10. Russell B. Istorija zapadnoj filosofii [History of Western Philosophy]. Book. 1–2. Novosibirsk, 1994. 512 p. (In Russ.).
11. Zhelev Zh. Fashizm: totalitarnoe gosudarstvo [Fascism: a totalitarian state]. Moscow: Novosti, 1991. 334 p. (In Russ.).
12. Poehlmann R., von. History of the Social Question and Socialism in the Ancient World. 3rd ed. by F. Oertel. vol. 1-2. Munich, 1925. 440 p. (In Germ.).
13. Nesterova T. P. Dzhovanni Dzhentile o kul'ture, obshhestve i gosudarstve [Giovanni Gentile on culture, society and the state]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2007, vol. 49, no. 13, pp. 196–203. (In Russ.).
14. Antonchenko V. V. Pravo i obshhestvennye interesy [Law and public interests]. *Aziatsko-Tihookeanskij region: jekonomika, politika, pravo = Pacific RIM: economics, politics, law*, 2022, vol. 24, no. 1, p. 174–183. DOI: 10.24866/1813-3274/2022-1/174-183. (In Russ.).
15. Antonchenko V. V. Fashizacija gosudarstva i prava [Fascization of state and law]. *Lex russica (Russkij zakon)*, 2022, vol. 75, no. 9 (190), pp. 55–65. DOI 10.17803/1729-5920.2022.190.9.055-065. (In Russ.).
16. Bettelheim B. O psihologicheskoj privlekatel'nosti totalitarizma [On the psychological attractiveness of totalitarianism]. *Obrazovatel'naja politika*, 2015, no. 2 (68), pp. 111–116. (In Russ.).
17. Gadzhiev K. S. Totalitarizm kak fenomen XX veka [Totalitarianism as a phenomenon of the XX century]. *Voprosy filosofii*, 1992, no. 2, pp. 3–25. (In Russ.).
18. Hayek F. A. Doroga k rabstvu [Road to slavery]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2005. 264 p. (In Russ.).
19. Perelomov L. S. Konfucianstvo i legizm v politicheskoj istorii Kitaja [Confucianism and legalism in the political history of China]. Moscow, 1981. 331 p. (In Russ.).
20. Lurie S. Ya. O fashistskoj idealizacii policejskogo rezhima drevnej Sparty [About the fascist idealization of the police regime of ancient Sparta]. *Vestnik Drevnej istorii*, 1939, no. 1, pp. 98–106. (In Russ.).
21. Udartsev S. F. Istorija politicheskikh i pravovykh uchenij (Drevnij Vostok) [History of political and legal doctrines (Ancient East)]. St. Petersburg: SPbGU Publishing House, 2007. 661 p. (In Russ.).
22. Tibi B. The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Disorder, Berkeley: University of California Press, 2002. 293 p.

Информация об авторах

В. В. Антонченко – кандидат юридических наук, заместитель начальника по учебно-научной работе Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, г. Владивосток, Россия.

Л. И. Романова – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, профессор кафедры деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия.

Information about the authors

V. V. Antonchenko – Candidate of Law, Deputy Head for Educational and Scientific Work of the Far Eastern Fire and Rescue Academy – a branch of St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Vladivostok, Russia.

L. I. Romanova – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education, Professor of the Department of Delictology and Criminology, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена после рецензирования 29.10.2022; принята к публикации 09.11.2022.

The article was submitted 29.09.2022; approved after reviewing 29.10.2022; accepted for publication 09.11.2022.